

Почему “феноменологическая социология” невозможна

Аннотация

Статья посвящена анализу аргументации противников термина “феноменологическая социология”. Рассмотрены труды Альфреда Шюца, Питера Бергера, Томаса Лукмана и других представителей феноменологического течения в социальных науках. На их основе выделены несколько линий доводов, показывающих принципиальные различия между феноменологией и социологией. Речь идет о тех различиях в самой их природе, методах и целях исследования, которые позволяют говорить о невозможности “феноменологической социологии” и об обосновании феноменологии в качестве протосоциологии.

Ключевые слова: феноменологическая социология, протосоциология, Альфред Шюц, Томас Лукман, конституирование, конструирование

1

В предыдущей статье рассматривалась аргументация ученых, использующих термин “феноменологическая социология”. Было выяснено, что в “англоязычной” социологической мысли шли бурные дебаты по поводу этого термина. Схематично было выделено несколько линий защиты “феноменологической социологии”, к которым относятся намерения причислить классиков социологии к “протофеноменологам” [Tiryakian, 1965; Psathas, 1989], найти сходные позиции между их теориями и феноменологическим подходом, а также попытки классификаций [Wagner, 1963; Heap, Roth, 1973; Bird, 2009], переформулировки предмета социологии [Douglas, 1970] и обоснования этнометодологии как моста между феноменологией и социологией — реализацией феноменологии в социальных науках [Wolff, 1978]. И если в западной социологии шли активные споры, пик которых пришелся на 60–70-е годы прошлого века, то в постсоветскую и, в частности, отечест-

венную социологию данный термин вошел практически безболезненно. Этому способствовало, в первую очередь, отсутствие доступа к релевантной литературе, а также первые переводы и интерпретации, авторы которых широко использовали данный термин для определения феноменологического подхода в социологии. В итоге термин “феноменологическая социология”, по сути, был принят некритически, что, в свою очередь, противоречит самому феноменологическому способу мышления. Почему же данный термин некорректен или даже абсурден?¹

Для ответа на данный вопрос мы обратимся к трудам Альфреда Шюца, которого чаще всего называют основателем “феноменологической социологии”. Обычная схема: Э.Гуссерль — фундатор трансцендентальной феноменологии, которая была призвана найти последнее основание для всех наук и вывести из кризиса европейские науки [Гуссерль, 1991; 1994; 1999; 2004]. В то же время проект А.Шюца был несколько менее амбициозен, но также крайне масштабен — приложить разработки Э.Гуссерля к сфере социальных наук, в том числе к социологии. Наследие А. Шюца и принято считать “феноменологической социологией”, которая была продолжена его последователями и учениками. Поэтому кроме работ А.Шюца я воспользуюсь аргументацией его непосредственного ученика — Т.Лукмана. Последний при этом был и остается рьяным противником использования “феноменологической социологии”. Не приемлет этот термин и П.Бергер. В прошлой статье упоминалось о его ироничном ответе на попытки Э.Тириакияна [Tiryakian, 1965] найти феноменологические истоки у целого ряда классиков социологии, таких как Дюркгейм, Зиммель, Сорокин и др. [Berger, 1966].

Кроме того, я использую аргументацию М.Натансона и Б.Холцнера, которые также выступают против использования термина “феноменологическая социология”.

2

Одной из причин приписывания Альфреда Шюца к “феноменологической социологии”, особенно в постсоветской социологии, является позиция его “интерпретаторов”, пишущих предисловия или послесловия к переводам и специализирующихся на феноменологическом течении в социальных науках. Подобный пример мы наблюдаем в одном из самых полных сборников работ Альфреда Шюца, переведенном на русский язык, — “Мир, светящийся смыслом”. В послесловии к этому переводу Н.Смирнова называет систему А.Шюца то “феноменологической социологией”, то “социальной феноменологией”, то, по аналогии с английским переводом “Смысловой структуры социального мира”, “феноменологией социального мира” [Смирнова, 2004]. Очевидно, что для ученой, как и для подавляющего большинства постсоветских социологов и философов, вопрос о проблематичности термина “феноменологическая социология” совершенно не стоит.

¹ Вопрос использования термина “феноменологическая социология”, скорее даже отсутствие постановки данного вопроса в социологической дискуссии, также можно считать признаком давно оформившегося кризиса феноменологической парадигмы в социологии, когда фундаментальные понятия и категории, их связи и генезис более не становятся предметом скрупулезного анализа учеными.

Наследие А.Шюца она называет так для удобства, чтобы обозначить феноменологические корни разрабатываемой им системы. Вслед за “интерпретаторами” А.Шюца в отечественной социологии подобное “вольное” обозначение его теории перенимают и “неспециалисты”; оно доминирует в словарях, учебниках и постсоветском социологическом дискурсе в целом. По иронии методология, призванная помочь социологам избежать некритического восприятия социальной реальности, сама становится предметом некритического принятия учеными. Забегая вперед, можно сказать, что вопрос использования термина “феноменологическая социология” имеет под собой ряд методологических и даже мировоззренческих оснований, сознательно или несознательно подразумеваемых авторами. Противники использования данного термина — такие как Томас Лукман и Питер Бергер — указывают на фундаментальные причины невозможности “феноменологической социологии”. Поэтому, как будет показано далее, ввиду их аргументации некорректности и даже абсурдности этого термина, вопрос о практическом удобстве его использования для маркирования социологических систем, основывающихся на феноменологической методологии, существенно проигрывает и становится, таким образом, второстепенным.

Сам Альфред Шюц, которого принято считать основоположником “феноменологической социологии”, не использовал данного термина¹. Вместе с тем он никогда так категорически не выступал против возможности использования “феноменологической социологии”, как, например, Томас Лукман. Поэтому о его отношении к данному термину мы можем судить лишь косвенно. Наверное, именно поэтому в предыдущей статье, где рассматривалась аргументация приверженцев “феноменологической социологии”, не было отсылок к Альфреду Шюцу.

В своей работе “Феноменология и социальные науки” (которая, кстати, не содержит ни одного упоминания о “феноменологической социологии”) он с самого начала пишет, что им будет осуществлена попытка “выявить начальные стадии феноменологического обоснования социальных наук”, а также “будет поднят вопрос о независимости социальных наук, и мы, пойдя дальше Гуссерля, рассмотрим, какую лепту может внести феноменология в решение их конкретных методологических проблем” [Шюц, 2004: с.181].

Для нашего рассмотрения здесь важны две интенции Альфреда Шюца, которые прослеживаются во всем его научном поиске: это попытка обоснования социальных наук при помощи феноменологии, попытка дать им прочный гносеологический фундамент и одновременно преодолеть некоторую ограниченность анализа Гуссерля, его недостаточность для обоснования социальных наук.

Начнем с первой интенции — обоснования социальных наук при помощи феноменологической методологии и стиля мышления. Альфред Шюц указывает, что социальные науки с самого начала принимают базовые феномены социальной реальности как само собой разумеющиеся. Сама возможность понимания и взаимопонимания, intersубъективность, системы смыслов, на которые опирается социальность, принимаются учеными без вопросов. Та-

¹ Одно из немногих упоминаний феноменологии и социологии вместе мы можем увидеть в “Смысловом строении социального мира”, где Альфред Шюц говорит о социологии, “опирающейся на феноменологические принципы” [Шюц, 2004: с. 1005].

ким образом, они фактически ничем не отличаются от обычных людей, пребывающих в естественной установке и принимающих возможность социального мира некритически. Обычные люди создают конструкты первого порядка, ученые — конструкты второго порядка. Однако и для первых, и для вторых не стоит вопрос о базисе социальной жизни. В свою очередь, Альфред Шюц начинает свое исследование с постановки этих фундаментальных вопросов. И сам же дает ответ: “На эти вопросы нельзя дать ответ с помощью методов социальных наук. Они требуют философского анализа. И феноменология — не только область, названная Э. Гуссерлем феноменологической философией, но даже и феноменологическая психология, — не только открывает простор для такого анализа, но и кладет ему начало” [Шюц, 2004: с. 178–179].

Здесь следует вспомнить идеи и научный поиск самого Эдмунда Гуссерля. Ученый указывал на кризис современных ему наук, причиной которого стала формализация и оторванность от реальной жизни. В своем анализе он больше сосредоточился на естественных науках. Однако поиск Эдмунда Гуссерля вполне применим и к гуманитарным наукам. “Он, — пишет Шюц, — задался целью обнаружить неявные предпосылки, на которых основаны не только все естественные и социальные науки, но и современная философия. Он стремился к идеалу “зачинателя” философии в подлинном смысле этого слова” [Шюц, 2004: с. 162].

Такой предпосылкой и необходимой точкой возврата для всех наук Эдмунд Гуссерль считал “жизнемир”. Альфред Шюц широко использовал это понятие в своем анализе¹. Более того, “жизнемир” становится в его теоретической системе интегральной категорией — ведь выполняет кроме четырех атрибутивных функций категории (методологической, эвристической, синтеза знаний, логической) еще и системообразующую функцию — все остальные понятия и категории фактически пребывают с ней в отношении субординации, и лишь одна — в отношении координации.

Второй интенцией является то, что Альфред Шюц не ставил перед собой подобных Гуссерлю амбициозных задач — его целью не было найти первую философию. Вместе с тем он проделал колоссальную работу в области обоснования социальных наук. И, как это обычно бывает, вышел за пределы системы своего учителя. “Мы, — писал А. Шюц, — можем сказать, что эмпирические социальные науки найдут свое подлинное основание не в трансцендентальной феноменологии, но в конститутивной феноменологии естественной установки. Выдающийся вклад Гуссерля в социальные науки состоит не в его неудачной попытке конституирования трансцендентальной интерсубъективности в пределах редуцированной эгологической сферы, не в непроясненном понятии эмпатии как основы понимания, наконец, не в интерпретации общин и обществ как интерсубъективностей более высокого порядка, природа которых должна быть описана эйдетически, но, скорее, в богатстве его анализа, относящегося к проблемам жизненного мира (Lebenswelt), который он намеревался развить в философскую антропологию” [Шюц, 2004: с. 159–160].

¹ На данном предназначении системы Шюца настаивает Томас Эберле, который считает, что “Шюцев анализ жизнемира являлся не просто “анализом социального мира”, а имел своей целью внести некий специфический вклад в методологию социальных наук и достиг этого; поэтому он носит для социальных наук характер прототеоретического” [Eberle, 1993: S. 303].

Итак, из данной цитаты можно выделить следующие важные для нас аспекты. Во-первых, Альфреда Шюца не удовлетворяла концепция трансцендентальной intersубъективности, предложенная Гуссерлем для анализа социальных наук. Во-вторых, одним из главных достижений своего наставника Шюц считал открытие им сферы жизнемира, о чем было сказано выше. И, наконец, в-третьих, Альфред Шюц разрабатывал собственную систему, названную им “конститутивная феноменология естественной установки”¹.

Из всего этого можно сделать следующие выводы. Хотя Шюц не во всем соглашался с Гуссерлем (критика использования таких терминов, как *Wesen*, *Wesensschau* и т.д.) и считал предпринятый анализ недостаточным для потребностей социальных наук, в своем исследовании он оставался в пределах трансцендентальной редукции лишь до того момента, когда его собственный анализ потребовал выхода за нее. Результатом стала критика теории трансцендентальной intersубъективности, разработанной Гуссерлем в “Картезианских размышлениях” и “Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии”, и, как следствие, заявление о выходе за ее пределы. Но все же он находился на той же методологически-мировоззренческой платформе, что и Эдмунд Гуссерль. Альфред Шюц вслед за своим учителем — Эдмундом Гуссерлем — рассматривал феноменологию как точку зрения, как метод, открывающий для познания новые горизонты, снимающий вековые завесы. Так же, как и его наставник, он видел в феноменологии прочный фундамент, на котором должны основываться все без исключения науки. Так что все они, по сути, должны быть “феноменологическими”. Именно поэтому вопрос “феноменологической социологии” для него не стоял. Это не какой-то синтез. Ведь только феноменология предоставляет социологии и прочим социальным наукам почву для получения обоснованного знания.

Самого Шюца интересовало построение конститутивной феноменологии естественной установки, поскольку в фокусе его внимания было исследование фундаментальных вопросов: как вообще возможны социальность, понимание и взаимопонимание, конституирование и конструирование смыслов, intersубъективность и т.д.

Таким образом, Альфред Шюц действительно использовал наследие Эдмунда Гуссерля и адаптировал его для потребностей социальных наук. Однако результатом не стало возникновение “феноменологической социологии”².

3

Ученик Альфреда Шюца — Морис Натансон — продолжает линию аргументации своего учителя. Он указывает на то, что феноменология является наукой “начал” [Natanson, 1973: p. 6].

При этом он также отсылает к работам Эдмунда Гуссерля и его попыткам пересмотра оснований современных наук. “Важность феноменологии для социальных наук, — пишет М.Натансон, — не менее сильно показана в

¹ Именно поэтому понятие “естественная установка” в системе Альфреда Шюца является единственным, которое по своему гносеологическому статусу находится с понятием “жизнемир” в отношении координации, а не субординации.

² Стоит также помнить, что двумя другими китами, на которых стояла система Альфреда Шюца, — были работы Макса Вебера и Уильяма Джеймса. Так что “чистым” феноменологом самого Альфреда Шюца довольно трудно назвать.

Гуссерлевой характеристике болезни Западного человека. В той мере, в которой философия исключена из социально-научного исследования или сведена к маргинальной позиции, саморефлексия становится невозможной и социальный ученый сам себя отвращает от ясного взгляда на собственную деятельность. Социальная наука все больше и больше отходит от какой-либо попытки понимания человека в актуальном контексте его непосредственного опыта, в его жизнемире” [Natanson, 1973: p. 42–43].

Именно феноменология является основанием для эмпирической социологии в получении достоверных данных. При этом, подобно А.Шюцу, Морис Натансон всячески подчеркивает, что области феноменологии и эмпирических наук находятся на разных уровнях: феноменология завершает свое исследование там, где социальные науки его начинают.

Как указывалось в предыдущей статье, согласно попытке классификации подходов к отношению феноменологии и социологии, предпринятой Г.Бердом, теория Мориса Натансона, наряду с теорией Ханса Нейсера [Neisser, 1959], относится к “отстраненному” подходу. Представители данного подхода предпочитают говорить не о “феноменологической социологии”, а о “социальной феноменологии”. Напомним характеристику Натансона, данную ему Г.Бердом в своем обзоре: “Если бы Натансон был “профессиональным” социологом, мы могли бы сказать, что он принадлежит к отстраненному подходу, но он философ, который отстаивает “феноменологию социальных наук”” [Bird, 2009: p. 436].

На основании проведенного выше анализа мы можем не согласиться с Грегори Бердом. Морис Натансон попросту продолжает линию аргументации своего наставника. Согласно логике Берда, к отстраненному подходу можно отнести и Альфреда Шюца, поскольку тот не использовал термин “феноменологическая социология”, а говорил о социологии, основывающейся на феноменологии.

4

В отличие от Альфреда Шюца, который не высказывался открыто против термина “феноменологическая социология”, хотя имплицитное неприятие им данного термина все же можно обнаружить благодаря анализу его методологии и направлению научного поиска, его выдающиеся ученики — Питер Бергер и Томас Лукман — последовательно и подробно обосновывают невозможность существования “феноменологической” социологии и даже абсурдность этого термина.

В качестве одного из примеров их резкой реакции на этот термин в предыдущей статье приводилась открытая научная переписка Питера Бергера и Эдварда Тириакияна. Последний попытался обосновать использование термина “феноменологическая социология” путем реинтерпретации наследия классиков социологии, причисляя их анализ к “*прото-феноменологическому*”. В своей рецензии на работу Э.Тириакияна П.Бергер называет сомнительным само существование “экзистенциально-феноменологической традиции”, которую обосновывает Эдвард Тириакиян, и еще более сомнительным кажется ему термин “феноменологическая социология”. В целом основной претензией П.Бергера можно считать то, что Э.Тириакиян пытается обосновать “феноменологичность” таких ученых, как П.Сорокин, Г.Зиммель, Э.Дюркгейм и др. Ведь эти ученые никогда не ассоциировались с феноменологией и в своих методологических подходах были довольно далеки от нее [Berger, 1966].

Еще раз приведу итоговое мнение П.Бергера по статье Э.Тириакияна: “Каждый в сердце своем является экзистенциальным феноменологом и по сему кандидатом для великого теоретического синтеза. Или почти каждый. Кроме некоторых безызвестных “позитивистов”, единственный, кто “вне”, — это Фрейд. Интересно почему? Уверен, при помощи Тириакиянового метода толкования можно показать, что Фрейдово либидо — “на самом деле” это феноменологическая интенциональность” [Berger, 1966: p. 260].

Стоит отметить, что в своей дальнейшей переписке ученые так и не пришли к какому-либо компромиссу: Э.Тириакийн продолжает обосновывать возможность найти смысловую схожесть с экзистенциальной феноменологией в теориях классиков социологии. Можно сделать вывод, что участники дискуссии стоят абсолютно на разных методологических позициях и потому не принимают аргументацию друг друга.

Еще больше внимания возможности (а точнее “невозможности”) использования термина “феноменологическая социология” уделил друг и коллега Питера Бергера — Томас Лукман. Он, подобно Альфреду Шюцу, убежден в необходимости основания для всех наук, в необходимости иметь общую и критическую теорию знания. Подобная задача до сих пор в полной мере не решена, однако Лукман, по его словам, “убежден, что феноменология, в особенности программа и результат последней работы Гуссерля (“Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология”. — А.Ш.), при определенных обстоятельствах может закрыть этот пробел” [Luckmann, 2007: S. 26]. Иными словами, Томас Лукман убежден, что все социальные науки, в том числе и социология, должны быть обоснованы при помощи феноменологического анализа, впервые предложенного Эдмундом Гуссерлем и развитого впоследствии Альфредом Шюцем в анализ структур жизнемира¹.

Однако, в отличие от уже упомянутого Мориса Натансона и самого Альфреда Шюца, Томас Лукман очень четко и подробно указывает на фундаментальные различия феноменологии и социологии. Феноменология не только является основой для социальных наук, она имеет качественно другую сущность и метод. Наиболее лапидарно позицию Томаса Лукмана по отношению к использованию термина “феноменологическая социология” передает следующая цитата. “Феноменология, — пишет ученый, — является философией, тогда как социология — наукой. Хотя обе имеют дело с эмпирическим, однако каждая в разном смысле: перспектива феноменологии является эгологической, перспектива науки — космологической; метод феноменологии — рефлексивный, метод науки — индуктивный. Целью феноменологии является *описание универсальных структур субъективной ориентации в мире*. Главной целью науки является *прояснение всеобщих характеристик объективного мира*. Поэтому “феноменологическая социология” — это понятийная бессмыслица” [Luckmann, 1979: S. 196].

¹ Напомню, что два других ученых — Дж.Хип и Ф.Рот — в своей классификации из четырех типов феноменологических социологий относили работы Альфреда Шюца ко второму типу. Однако еще более интересно то, что, по их мнению, второй тип феноменологической социологии наиболее удачно продолжается в работах П.Бергера и Т.Лукмана “Социальное конструирование реальности” [Berger, Luckmann, 1966] и Б.Холцнера “Конструирование реальности в обществе” [Holzner, 1968]. О позиции Буркарта Холцнера будет упомянуто далее.

Как видно из цитаты, по мнению Томаса Лукмана, феноменология и социология находятся на совершенно разных уровнях познания, с принципиально разных точек зрения. Для лучшего понимания позиции Лукмана следует вспомнить еще два понятия, которые ученый разделяет в зависимости от их функций, — “конституирование” и “конструирование”¹.

Первое понятие описывает то, с чем имеет дело феноменология: будучи эгологической, она концентрирует свое внимание на сознании и при помощи рефлексивных методов, таких как феноменологическая редукция, последовательно анализирует его структуры. Феноменологический анализ является анализом того, как объекты “конституируются” в сознании человека. В то же время социология, будучи наукой, является космологической, а по методу — индуктивной. Она имеет дело не с конституированием, а с “конструированием”. Как уже было отмечено, люди в своей повседневной жизни создают “конструкты первого порядка”, которые, в свою очередь, становятся объектом изучения ученых, которые на их основании создают “конструкты второго порядка”. Поэтому Томас Лукман считает объектом социологии скорее не конструирование, а “реконструирование исторически ограниченных человеческих конструктов” [Luckmann, 2007: S. 128]².

Выходит, что феноменология и социология не могут быть механически объединены в “феноменологическую социологию”. Ведь их анализ имеет разные объекты, методы и цели. В отличие от других феноменологов, Томас Лукман подробно раскрывает их характеристики и сравнивает между собой, показывая принципиальные отличия. Социология не может принять в качестве метода конститутивный анализ и исследовать структуры сознания, равно как и феноменология не использует метод реконструкции исторически ограниченных человеческих конструктов.

Вместе с тем Томас Лукман так же, как и другие противники “феноменологической социологии”, считает, что феноменология должна стать “прото-социологией”³.

Иными словами, она должна стать методологической основой для социологии, придать ей особую точку зрения и цель — выявить не критически принятые предпосылки общественной жизни, подробно описать структуры и механизмы конструирования социального мира акторами⁴.

1 Подробнее о различии понятий “конституирование” и “конструирование” см. работу Т. Лукмана “Wirklichkeiten: individuelle Konstitution, gesellschaftliche Konstruktion” [Luckmann, 2007: S. 127–137].

2 Можно сказать, что позиция Томаса Лукмана и Питера Бергера была отражена еще в самом названии их классической работы — “Социальное конструирование реальности”.

3 Один из ведущих феноменологов Германии — Йохен Дреер — предлагает такое понимание позиции Томаса Лукмана: “Протосоциология, в понятийном употреблении Томасом Лукманом, обобщенно может толковаться как философское, точнее формулируя, феноменологическое основание социальных наук об опыте” [Dreher, 2007: S. 13].

4 Ведь социальный мир произрастает из жизнемиров самих социальных акторов. Одной из главнейших методологических позиций феноменологически ориентированного изучения социального мира является смещение анализа на социального актора, который живет в своем жизнемире и в его рамках вступает в интеракции с другими акторами, образуя простейшие социальные связи (Мы-связи), и, таким образом, живет с этими акторами в общем для них мире культуры и символов.

5

Еще одним противником использования термина “феноменологическая социология” является американский социолог Буркхарт Холцнер¹.

Свою позицию он проясняет в комментарии к уже упомянутой в предыдущей статье публикации Дж.Хипа и Ф.Рота, которые обосновывают концепцию четырех “феноменологических социологий” [Hepp, Roth, 1973]. Самого Б.Холцнера они причисляют ко второму типу — как продолжателя наследия Альфреда Шюца².

По мнению Б.Холцнера, эти двое ученых неправильно истолковали предназначение феноменологии Эдмунда Гуссерля. Всякие попытки непосредственно “перенести” наработки фундатора трансцендентальной феноменологии в социологию являются некорректными. Ведь области познания у феноменологии и социологии разные.

“Анализ того, какими способами развивалась эмпирическая социология и как она может быть обогащена феноменологическим интеллектуальным движением, — пишет Б.Холцнер, — является сложным. Социология — это эмпирическая дисциплина; феноменология — нет. Поэтому должно быть понятно, что “феноменологическая социология” в рамках эмпирической работы должна быть не более чем выражением, признающим источники стимулирования, полученные от феноменологических работ. Тем не менее, в социологических изысканиях окончательным стандартом суждения является не феноменологическая адекватность, а эмпирическая польза” [Holzner, 1974: p. 286].

Таким образом, в своей критике использования термина “феноменологическая социология” в целом и аргументации Дж.Хипа и Ф.Рота в частности он опирается на те же доводы, что и Томас Лукман, подчеркивая, что феноменология является эйдетической дисциплиной, а социология — эмпирической. Кроме того, он критикует наличие нескольких “феноменологических” социологий, которые отстаивают эти двое ученых.

6

Таким образом, вопрос использования термина “феноменологическая социология”, по мнению его противников, — не просто вопрос предпочтения. В свою очередь, приверженцы данного термина, как было неоднократно указано, в основном представители “англоязычной” социологии, а более точно — представители “американской” социологии. Для многих из них проблематичность “феноменологической социологии”, как показал наш предыдущий анализ, практически не стоит. Те же англоязычные ученые, которые решили разобраться в этом более глубоко, в основном поддерживают и оправдывают данный термин. Будь то причисление классиков социологии к “протофеноменологам”, обоснование этнометодологии как синтеза феноменологии и социологии или попытки классификации и разграниче-

¹ Как было показано в предыдущей статье, один из немногих представителей американской и вообще “англоязычной” социологии, который выступает против возможности “феноменологической социологии”.

² Б.Холцнер назван последователем А.Шюца наряду с П.Бергером и Т.Лукманом. Этому в большой мере способствовало то, что фактически одновременно с ними Б.Холцнер написал книгу “Конструирование реальности в обществе” [Holzner, 1968].

ния разных феноменологических социологий. В свою очередь, в противоположность “англоязычному” социологическому дискурсу, в “немецкоязычном” использование термина “феноменологическая социология” вызывает преимущественно неприятие. Можно отметить, что аргументация противников термина является более глубокой. Прежде всего постольку, поскольку исходит от непосредственных учеников Альфреда Шюца — Питера Бергера и Томаса Лукмана, которые сами являются авторами классических для социологии трудов. И если у Альфреда Шюца неприятие термина “феноменологическая социология” присутствует лишь имплицитно, так как он не только не использует его, но и нигде явно не критикует возможность “феноменологической социологии”, то Томас Лукман открыто и подробно объясняет абсурдность данного понятия.

В итоге мы можем выделить две главные линии аргументации, почему “феноменологическая” социология невозможна. Первую мы можем условно назвать “функциональной”. Она основывается на раскрытии предназначения самой феноменологии. Ведь приверженцы термина “феноменологическая социология”, независимо от того, посвятили ли они этому вопросу специальное исследование или же восприняли некритически, для удобства, делают очень важное общее упущение. Даже апеллируя к наработкам Эдмунда Гуссерля, они, как можно убедиться, не схватывают главную интенцию его научного поиска. Все усилия Гуссерля были направлены, как отметил его ученик Альфред Шюц, на поиски “первой философии”. Она должна была стать фундаментом и обоснованием для всех естественных и социальных наук. “Э.Гуссерль надеялся, что подобное исследование, — писал Шюц, — способно разрешить очевидный для нашего времени всеобщий кризис таких наук, как логика, математика, физика и психология, угрожающий именно тем их достижениям, которые представляются наиболее бесспорными. Подобная характеристика главной цели Э.Гуссерля в состоянии объяснить те огромные трудности, с которыми сталкивается новичок в феноменологии в попытках приклеить ей один из расхожих ярлыков типа идеализма, реализма или эмпиризма. Ни одна из этих хрестоматийных классификаций не может быть адекватной в отношении философии, которая их проблематизирует. Феноменология, стремящаяся обнаружить предельные основания всего философского мышления, завершает свое исследование тем, с чего традиционная философия его начинает” [Шюц, 2004: с. 163]. Последняя фраза особенно важна, поскольку прямо указывает на то восприятие феноменологии, которое было и у Гуссерля, и у Шюца. Феноменология стоит “вне” и, по сути, “над” другими методологиями и гносеологическими течениями. Именно с трансцендентальной феноменологии, по убеждению ее создателя, все начинается и ею же кончается. Альфред Шюц также убежден, что феноменология имеет огромный эвристический потенциал, однако ставит перед собой не такие грандиозные задачи: его сфера интереса — это социальные науки. Даже несмотря на то, что на его системе сказались влияние работ Макса Вебера и Уильяма Джемса, а также того, что Шюц довольно критически относился к предложенной Гуссерлем концепции трансцендентальной интересубъективности, он все же перенял у своего учителя веру в то, что именно феноменология является незабываемым теоретическим базисом для исследования социального мира.

Исходя из всего этого, Шюц не считал свою систему “феноменологической социологией”. Ведь феноменология дает основу для получения любого

знания — это ее главная функция и предназначение. Поэтому на ней должна основываться любая наука, в том числе и социология. Получается, что человек, который в большинстве словарей и учебников считается основателем “феноменологической социологии”, вовсе таковым не был.

Кроме того, важно помнить, что он назвал свою теорию “конститутивной феноменологией естественной установки”. Шюц позаимствовал множество понятий за пределами трансцендентальной феноменологии и, по его же собственному признанию, вышел за ее рамки. Можно сказать, что он нарисовал проект абсолютно новой социологии, которая является не еще одним подходом или точкой зрения, а тем базисом гуманитарных наук, который наконец-то найден и который открывает путь к непосредственному исследованию социальной реальности.

Вторую линию критики можно (также условно) назвать “сущностной”. Ее подробно описывает Томас Лукман. Ученый указывает на принципиально различные характеристики феноменологии и социологии. Ведь феноменология является философией и по природе своей эгологична. Поэтому ее анализ направлен на сознание. В то же время социология является наукой и по природе своей космологична. Ее анализ направлен на социальный мир и то, как он конструируется. Поэтому феноменология и социология отличаются по своей сущности, методам и целям. На основании этого Томас Лукман делает вывод о невозможности “феноменологической социологии”. Кроме того, он указывает, что феноменологический анализ жизнемира — это протосоциология, дающая надежную теоретическую базу для всей социологии. Так что налицо продолжение аргументации, выделенной нами в первую линию как “функциональная”.

Несмотря на имплицитно присутствующее в творчестве Шюца неприятие термина “феноменологическая социология” и подробную аргументацию против его использования, предпринятую его непосредственными учениками, спор об использовании этого термина фактически закончился ничем. Точнее говоря, он закончился тем, что “специалисты” в данном вопросе остались при своем, а “неспециалисты” приняли этот термин, дабы маркировать принадлежность того или иного автора и его работ к феноменологической традиции.

Целью данных статей не было убедить кого-либо использовать или не использовать термин “феноменологическая социология”, но скорее показать, что данный вопрос намного глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Сравнивая аргументацию приверженцев и противников данного термина, в итоге можно утверждать, что доводы вторых заметно убедительней и весомее. Однако окончательный выбор, как всегда, стоит перед каждым конкретным ученым: либо из соображений удобства маркировать феноменологическую парадигму той этикеткой, которая уже широко признана, либо принять доводы самих классиков феноменологии и избегать использования термина в силу его методологической абсурдности.

Источники

Гуссерль Э. Феноменология. Статья в Британской энциклопедии / Э. Гуссерль // Логос. — 1991. — № 1. — С. 12–21.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Гуссерль Э. — Новочеркасск : Сагуна, 1994. — 357 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Гуссерль Э. — М. : Дом интеллект. книги, 1999. — 336 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Гуссерль Э. — СПб. : Владимир Даль, 2004. — 385 с.

Смирнова Н. Альфред Шюц на книжной полке / Н. Смирнова // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Шюц А. ; пер. с нем. и англ. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), s.a. — С. 1025–1048.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Шюц А. ; пер. с нем. и англ. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.

Bird G. What is Phenomenological Sociology Again? / G. Bird // Human Studies. — 2009. — 39. — P. 419–439.

Berger P. On existential phenomenology and sociology (II) / P. Berger // American Sociological Review. — 1966a. — 31. — P. 259–260.

Berger P. The social construction of reality / P. Berger, T. Luckmann. — Garden City, N. Y. : Doubleday, 1966b.

Douglas J. Understanding everyday life / J. Douglas // Understanding Everyday Life. — Chicago : Aldine Publishing Company, 1970. — P. 3–44.

Dreher J. Lebenswelt, Identität und Gesellschaft — Sozialtheoretische Reflexionen zwischen Phänomenologie, Wissenssoziologie und empirischer Forschung / J. Dreher // Luckmann T. Lebenswelt, Identität und Gesellschaft. Schriften zur Wissens- und Protozoziologie / Luckmann T. ; Hrgg. von Jochen Dreher. — Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2007. — S. 7–23.

Heap J.L. On phenomenological sociology / J.L. Heap, Ph.A. Roth // American Sociological Review. — 1973. — 38, №3. — P. 354–367.

Heap J.L. Reply to Holzner / J.L. Heap // American Sociological Review. — 1974. — Apr., Vol. 39, No 2. — P. 289–291.

Holzner B. Reality Construction in Society / Holzner B. — Cambridge : Schenkman Publishing Company, Inc, 1968.

Holzner B. Comments on Heap and Roth “On Phenomenological Sociology” / B. Holzner // American Sociological Review. — 1974. — Apr., Vol. 39, No 2. — P. 286–289.

Eberle T. Schütz’ Lebensweltanalyse: Soziologie oder Protozoziologie? / T. Eberle // Bäumer A., Benedikt M. (Hrsg). — Wien : Gelehrtenrepublik — Lebenswelt, 1993. — S. 293–320.

Luckmann T. Phänomenologie und Soziologie / T. Luckmann // Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften / Walter Sprondel, Richard Grathoff (Hg.). — Stuttgart, 1979. — S. 196–206.

Luckmann T. Lebenswelt, Identität und Gesellschaft. Schriften zur Wissens- und Protozoziologie / T. Luckmann ; Hrgg. von Jochen Dreher. — Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2007. — 341 S.

Natanson M. Phenomenology and social sciences / Natanson M. — Northwestern University Press, 1973. — P. 464.

Neisser H.P. The Phenomenological Approach in Social Science / H.P. Neisser // Philosophy and Phenomenological Research. — 1959. — Dec., Vol. 20, No 2. — P. 198–212.

Psathas G. Phenomenology and Sociology. Theory and Research / Psathas G. — Washington (D.C) : Center for Advanced Research in Phenomenology & University Press of America, 1989.

Tiryakian E. Existential Phenomenology and the Sociological Tradition / E. Tiryakian // American Sociological Review. — 1965. — Oct., Vol. 30, No 5. — P. 674–688.

Tiryakian E.A. Reply to Kolaja and Berger / E.A. Tiryakian // American Sociological Review. — 1966. — 31. — P. 260–264.

Wagner H.R. Types of Sociological Theory: Toward a System of Classification / H.R. Wagner // American Sociological Review. — 1963. — P. 735–742.

Wolff K.H. Phenomenology and sociology / Wolff K.H. // A history of sociological analysis / T. Bottomore, R. Nisbet (Eds.). — N. Y. : Basic Books, 1978. — P. 499–556.